

18+

Greta Garbo
(1905-1990)
was born in Sweden and
one of the greatest
silver screen.
silent of

Алексей Караванов

Подарочные марки

Алексей Караванов

Подарочные марки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71468494

ISBN 9785006512559

Аннотация

Сборник маленьких рассказов, от нескольких абзацев до нескольких страниц. Годы создания рукописей: 2012 – 2015. Фотография на обложке принадлежит автору.

Содержание

Стук в дверь	5
Жареная рыба с соусом	9
Ф.	11
Море и старик	14
Вишня	20
Понедельник	24
Пила и пилы	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Подарочные марки

Алексей Караванов

© Алексей Караванов, 2026

ISBN 978-5-0065-1255-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стук в дверь

Когда стемнело, мужчина и женщина ушли, оставив мальчика одного дома. Они сказали, что скоро вернуться и чтобы он их немного подождал. Совсем-совсем немного.

Мальчик увлёкся сборкой конструктора.

Игрушечный подъёмный кран так и не был собран – в квартире потух свет. Мальчик пробовал щёлкать выключатель в коридоре, но свет не зажётся. Нажимал на кнопку настольной лампы – не помогло. Он знал, что свет потухает тогда, когда в дом перестаёт поступать электричество, но сегодня был первый раз, когда электричество отключили в отсутствие родителей.

Он залез на кровать, которая стояла рядом с окном, и стал рассматривать ночной тёмно-синий город.

Раздался стук во входную дверь – мальчика дёрнуло от испуга. Постучали ещё раз, громче прежнего.

Он спрыгнул на пол и пошёл в коридор, но тут вспомнил, что родители запретили ему открывать дверь чужим, что бы кто ни говорил.

Стук, снова громкий. Мальчик крикнул из коридора:

– Кто там?

– А там кто? – ответил взрослый женский голос.

– Это я, а вы кто? – удивился мальчик.

– Я твоя настоящая мама, а они, те, кто ушли – не настоя-

щие. Они только говорят так, а сами не настоящие. Я ждала, пока они уйдут, чтобы они не прогнали меня. Открой, ведь я твоя мама.

Чувствовался обман. Сердце подсказывало ребёнку, что эта женщина – обыкновенная, а не его мама.

В дверь ещё раз постучали, теперь громче и сильнее.

Мальчик испугался и убежал в свою комнату. Он спрятался под кровать, но уши не заткнул.

– Я отвезу тебя в сказочный замок, хочешь? – предложил голос. – Зачем ты спрятался?

И в дверь постучали мягче, едва слышно.

Мальчику казалось, что в густой темноте кто-то ползает.

– Это я, свет, – послышался совсем другой голос. – Пусти меня в квартиру. Иначе твои родители не найдут дорогу домой, если света не будет. Впусти меня. Если ты меня непустишь, то проживёшь без света всю свою жизнь.

Мальчик выбрался из-под кровати и на четвереньках бесшумно подполз к приоткрытой двери своей комнаты. Непонятно было, сколько это – вся жизнь. Он подумал, что ему не нужно шуметь. Борясь со страхом, он смотрел туда, где входная дверь едва очерчивалась в темноте.

– Открой, – говорили там и стучали, – это я, квадрат. – И голос вправду был похож на голос квадрата.

Затем постучали слабо, совсем маленькой рукой.

– Я ещё меньше тебя, мне холодно и у меня нет дома. Открой, – говорили тихим голосом маленькой девочки. – Не от-

кроешь? Если не откроешь, я погибну. Я погибаю уже, вот сейчас. Скорей открой.

И каждое слово тянуло мальчика, как магнитом, к двери.

– Это же я, я, – продолжал голос девочки, – я сильно промокла под дождём.

– Нет там дождя! – вдруг крикнул он.

– Нет, есть, – сказала девочка за входной дверью. И в это мгновение комнату ослепила молния, а за окном забарабанил сильный ливень.

– А теперь ты мне веришь? – спросила она.

Мальчик застыл на месте.

– Я – твоя будущая любовь, ты не сможешь без меня жить. Если я уйду и ты не откроешь, я не приду больше никогда, найду себе другого, – голос её был по-детски добрым.

Мальчик отвернулся. Друзья говорили, что любовь – это девчачьи игры. Этого слова он стыдился.

– Пожалуйста, – сказала девочка, и он услышал, как она заплакала.

Ноги сами шагнули к двери, но он вцепился в мамино пальто, чтобы оно не позволило ему открыть дверь. Его маленькая душа не понимала происходящего.

Сквозь шум ливня стали доноситься мерные удары колокола.

– Слышишь? – шептала девочка. В её голосе не было плача. – Это колокол отсчитывает последние мгновения. Все часы уже остановились.

Шум ливня и удары колокола внезапно пропали, мальчик замер.

– Ближе, – прозвучало за входной дверью. Голоса не было. Слово, казалось, возникло из звуков города. И снова прозвучало: – Ближе.

В дверном замке стал проворачиваться, будто со стоном, будто жалуясь, ключ.

Свет появился. Мальчик прищурил глаза от внезапного освещения. Он побежал к открывавшейся двери, с волнением предчувствуя, что сейчас войдут родители.

Жареная рыба с соусом

Я села за столик у самого окна, закинула ногу на ногу и положила на соседний стул шляпку. Шум моря вынуждал ставни не молчать и иногда отвечать поскрипыванием в знак соблюдения приличий; я старалась притвориться задумчивой, чтобы шум не стал приставать и ко мне. Подошёл половой и принял у меня заказ.

Только сейчас, только в июле и только в трактире «У морских волков» возможно отведать владычицу всех морей и океанов, рыбу рыб.

Половой весьма аккуратно поставил передо мной блюдо, не касаясь каёмки тарелки, глядя то в сторону, то поверх меня, и поспешно скрылся среди пустовавших столиков и деревянных, просоленных морским воздухом подпорок. Моя нахальность подталкивала как-нибудь уколоть его, прицепиться к мелочи или зло пошутить. Но причина не подвернулась. Это немного меня расстроило.

Сперва я попробовала лоснящуюся на свету корочку, политую соусом. Корочка хрустнула, и за специями, ущипнувшими кончик языка, стал проступать вкус соуса. Немного лимонного сока и тёртый миндаль прикрывали секрет остальных его ингредиентов. Белое мясо простого сладковатого вкуса было вовсе не жёстким, как мне представлялось, а нежным и рассыпчатым. Такой вкус был у запечённой ры-

бы в старой заводской столовой, где работала мама.

Косточка легко, словно только обозначив, кольнула нёбо и, не сопротивляясь, переломилась между зубами. Ничего похожего по вкусу мне на ум не приходило. Только вспомнилось, как ударило в детстве слабым разрядом от электрообогревателя.

Вытерев губы салфеткой, я оплатила счёт и надела шляпку. После трактира порт открылся вольным простором, но оставался столь же пустым и навевающим грусть-тоску.

Тяжесть упала с плеч – с меня соскоблили двадцать лет жизни, и теперь моё желание обязательно исполнится. Я прислушалась к тишине в своём теле: сердце не тревожило, привычный звон в ушах исчез. Можно спокойно закрыть глаза, глубоко вдохнуть и сделать любой шаг с уверенностью в следующем шаге.

Ф.

От занавешенных окон и тусклого солнца веяло скукой, а вот букмекерская контора выглядела заманчиво. Тогда Ф. решил в очередной раз сделать беспроигрышную ставку. У него было заложено ухо, и, перед тем как войти в контору, он помотал головой. Пробка в ухе никуда не делась.

Ф. вошёл. В помещении сидели два молодых игрока и смотрели на одном из экранов футбольный матч. Ф. прошёлся вдоль экранов и нашёл такой, на котором транслировали бокс. Коэффициент на победу боксёра в синих трусах был не очень высоким – 1,2. На победу боксёра в полосатых трусах куда выше – 4,6. Тогда Ф. взглянул на левую ладонь – линия удачи слегка поднималась вверх. Значит, фаворит одержит победу. Ф. подошёл к окошку и попросил девушку принять ставку.

Затем сел на диван напротив экрана и стал ждать. Если бы победу через некоторое время одержал андердог, линия удачи на ладони Ф. загнулась бы сильнее.

Когда-то Ф. заинтересовался хиромантией, но вскоре разочаровался в ней. Потом снова увлёкся, потом снова потерял интерес. А затем он стал изучать геометрию кривых линий будущего, и ему открылся секрет всех линий на свете. После этого – когда он поднёс руки к губам и прошептал секрет, – его ладони сдались, подчинились. В обмен на мол-

чание три самые крупные линии на его левой ладони согласились ему служить. Линия удачи, линия поисков и линия опасности стали менять свои очертания в зависимости от того, что собирался сделать Ф.

С тех пор Ф. бросил работу и стал зарабатывать на ставках. Определить по линии удачи, кто победит в боксёрском поединке, было легко, нужно было лишь дождаться такого боя, в котором один из боксёров был бы явным фаворитом. Если фавориту суждено победить – линия удачи чуть-чуть загибалась вверх, если победу должен был одержать андердог – линия на ладони сильно задиралась и сулила крупный выигрыш. Прямая говорила о ничьей, о самом крупной выигрыше. Но играть по-крупному Ф. боялся; думал, что о таком выигрыше разужнают бандиты, следящие за игровыми конторами.

Поединок закончился. После недолгой толкотни людей на ринге вышел ринг-анонсер и объявил победителем боксёра в синих трусах. Ф. подошёл к окошку и забрал деньги.

Несколько лишних купюр подняли ему настроение. Когда он вышел на улицу, солнце и занавешенные окна уже не казались ему скучными. Облака были похожи на мыльную пену, деревья, тянущиеся вдоль улицы, ни на кого не были похожи. Даже пробка вылетела из уха.

День как день, только вот улица не как улица, вдруг подумал Ф. Он резко остановился и огляделся. Вокруг не было ни души, словно люди вымерли. Ф. присмотрелся и заме-

тил на земле, рядом с асфальтом, крысиные следы. Следы помойной крысы.

Он медленно отошёл в сторону, подальше от крысиных следов, и направился к ближайшему пешеходному переходу. Но ближайший светофор пылал таким красным, какого никогда не было у светофоров. От одного короткого взгляда на него слезились глаза. И дорога была совершенно пуста, словно машины вымерли.

Ф. посмотрел на ладонь – линия удачи ползла вниз, линия поисков закручивалась вправо. Ф. свернул вправо и пошёл по пустым улицам. Да кому я нужен, кто знает обо мне, думал Ф. Только линия опасности изгибалась всё круче, не соглашаясь с его мыслями.

Он выхватил из кармана все деньги вместе с выигрышем, подбросил их в воздух и бросился бежать.

Подбежав к своему дому, Ф. остановился и попытался отдышаться. Линия удачи провалилась, линия опасности ползла на указательный палец, а линия поисков требовала уйти, умоляла не входить в дом.

Ф. попятился и пошёл в соседний двор. Сел на скамейку и стал ждать. Через некоторое время и люди вышли на улицу, и машины появились на дороге. Жизнь пошла своим чередом, как раньше. Вновь заложило ухо.

Море и старик

Вслед за скрипом двери, вслед за солёным ветром мальчик забежал в кухню. Старик оглянулся, едва успев наполнить из чайника самодельную кружку. От кружки начал подниматься запах древесной коры, листья чёрного чая затемняли горячую воду.

Старик сразу пошёл навстречу, уже зная, угадывая чудесный случай по горящим глазам и слегка приоткрытым губам ребёнка. Так внук всегда смотрел, когда сообщал о необычайном улове или о найденных на берегу микросхемах. Кусочек ткани, которым старик брался за нагретую ручку чайника, упал на пол. А внук стал говорить дрожащим голосом, что море ушло на небо и уходит дальше, неизвестно куда. Он отбежал, бормотал что-то в коридоре, остановился у входной двери и застыл, держась за ручку, словно боялся, что старик передумает, не поверит и махнёт рукой, вернётся пить чай.

Они вышли из дома, и взгляд старика замер. То, что он ненавидел больше всего в жизни, передвигалось по небосводу. Там, где береговая линия открывала море, мигом обнаружил он, продолжается суша, переходит в коралловый нарост, вроде как вода впиталась в землю. Но море не ушло под землю, оно летело, подменив облака.

Мальчик, стоявший впереди старика, сделал два шага назад, будто отступая от врага, и старик прижал его к себе, пе-

рекинув руку через плечо.

Море скрыло собой солнце, пропуская лучи то озеленёнными, то голубоватыми, чередуя водоросли с незамутнёнными участками. Старик, часто думавший о море как о живом существе, раньше представлял, что морское брюхо немного похоже на живот игуаны – чешуйчатое и в толстых поперечных складках. А оно было похоже на ногу улитки, слизневое. По брюху моря тянулась ломанная песочная полоса, словно со дна поднялась пустынная дорога, по которой когда-то бродили караваны. И не было никаких крыльев, о которых часто рассказывали рыбаки. Они рассказывали, что где-то там, если заплывать далеко, можно увидеть свёрнутые крылья моря. Но старик смотрел и видел – никаких крыльев. Обманули рыбаки.

Зато у моря были рёбра, похожие на толстые струны. Старик никогда о таком не думал. Такова вся ненависть моей жизни, сказал он про себя.

Скорость моря оказалась высокой, как виделось с земли. И старик испугался, что от быстрого движения из водной толщи выпадет, как выбивает гайки и заглушки из искалеченного двигателя, субмарина или обломки корабля, убьёт его и мальчика.

Отчётливо стал слышен некий плеск. По равнине вдоль берега стремглав неслась вытянутая река. Из вёдер, стоявших у порога дома, выпрыгнула пресная вода, слилась в одну большую каплю, размером с морскую мину, и побежала

вслед за рекой, – тоже стремилась поддержать море в военном походе.

Вот об этом рыбаки не врали. Значит, правда, что море иногда уходит на войну, подумал старик. А я не верил.

Старик хотел пожелать морю поражения, но не смог, и не удивился этому. Пускай победит, равнодушно подумал он.

Ушёл день, пришла ночь. Мальчик смог уснуть, усталость в нём одолела страх. Тень под носом рисовала ему жидкие усы. Старик сидел в своей комнате и раздумывал. Никак не мог найти решение, понять, что делать дальше. Сколько времени уйдёт у моря на войну? Когда оно вернётся?

Он давно ненавидел его: за случаи плохого улова, за скверную погоду, за высокие волны, которые часто грозили добраться до дома. И за то, что оно забрало её... Море же проявляло безразличие к его ненависти и кормило рыбой и крабами. Что будет с мальчиком? Он ещё мал, чтобы найти работу в одном из старых городов, разве что подмастерьем может пойти за пропитание. А сам старик – кому теперь он будет нужен, как ему прожить?

Можно погрузить всё в старый верный автомобиль и направиться в город, бросить лишнее, забрать только самое необходимое. Дом пускай остаётся доживать своё отведённое, ничего в нём ценного. Или пускай тут поселится кто-нибудь другой.

Старик поднялся и подошёл к столу, взял лист бумаги

и карандаш – записать самое необходимое. Воду питьевую нужно забрать, что осталась, еду взять, канистру с топливом, выводил он, лески и сети, карту, часы, компас, аптечку. Портрет на стене не напоминал о себе, но внимание старика не могло не остановиться на нём. Фото девушки в трёхчетвертном развороте. Старое фото, но свежесть печати не сошла – в те времена уже делали снимки на хорошей фотобумаге. Рамка, напротив, совсем состарилась, и стекло слишком часто загрязнялось.

Нечего мне тебе сказать, подумал старик, тяжело нам стало.

Защемило сердце, что-то подступило к горлу. Старик выключил свет. Вышел во двор, потому что даже в темноте ощущал взгляд с портрета. Почувствовал, что глаза мокреют от слёз.

Осветил фонарём дорогу до пристройки и остановил бензиновую электростанцию. Заглохли жабры генератора. Старик остановился в темноте берега, глядя туда, в чернильную грязь, где прежде было море. Голубой свет фонаря исчез по щелчку выключателя. Стало темно настолько, что взгляд не находил вытянутую вперёд руку.

Никак не уходил страх, такой же, какой он испытал один раз в жизни, хотя твёрдо знал, что море, сосредоточившее в себе всё зло его жизни, уже покинуло сотни километров лежащего впереди пространства.

Где-то будто бы звенел трезубцем о камни Посейдон,

впервые увидевший свой дворец сухими глазами.

Мальчик проспал всю ночь. В предрассветье, когда тьма уходила, старик загружал в кузов автомобиля солнечные батареи и коробку с микросхемами, – их он надеялся продать в городе. Бензиновую электростанцию он поднял на удивление легко. Проверил все клапаны, выходные патрубки, не засорились ли. Лучше развеять пары несгоревшего топлива.

Утренние мысли отличались от ночных: я не так уж и стар, у меня есть крепкие ноги и жилистые руки, в которых ещё теплится сила.

Он проверил баки с дизелем.

Потемнело, будто вернулась ночь, и воздух снова разлился запахом моря. Старик взглянул вверх и увидел, как оно, с перебитыми рёбрами и огромными, размером с город ранами, плывёт обратно к своему месту. Значит, войну оно проиграло и теперь ползёт обратно. Он не испытывал жалости к тому, кто когда-то убил, забрав в свою пучину, его дочь – мать мальчика, вырвав треть их одной на троих жизни.

Он отвёл взгляд, не желая смотреть на его умирающее тело. Пускай, подумал, пускай. Отвернул одну из крышек бензиновой электростанции и проверил уровень масла, опустив в отверстие щепку.

К десяти часам утра они с мальчиком ехали в глубь континента, готовясь, как выразился старик, коснуться другого его края.

Вдали от них исхудалое, едва передвигавшееся море по-

степенно начинало испаряться. Безжалостное солнце доби-
вало.

Вишня

Тем дремотным загородным утром он рано вышел из своего домика, ни о чём не размышляя. Не было желания возвращаться в город, видаться с друзьями, идти к редактору. Лучше уж тут побродить, ведь безветренно, тихо, спокойно. И никаких случайных встреч.

Её он встретил случайно: повернул, сам не понимая куда, и наткнулся. Она стояла у вишнёвого дерева, вытягивалась на цыпочках, тянула пальцы к вишням. И сама была такая тоненькая, как молодое деревце. «Хочешь вишню?» – спросила она. «Даже не знаю. Можно», – ответил он.

Вообще-то было довольно жарко, солнце казалось покрытым маслом, свет будто стекал по краям вещей, делал твёрдое мягким. И ещё отблеск, как от мушиных крыльев. Он зажмурил глаза – золотистые мушки в темноте. Снова мухи. Он открыл глаза и задумался, следя за тем, как девушка подносила к губам одну ягоду за другой. Задумался, как так получается, что муха бьётся, бьётся, бьётся в стекло – и вдруг, замечаешь, уже жужжит и летает в квартире.

Показалось, что девушка сама задумалась о чём-то. Он резко протянул руку к ветке, нагнул, ветка согнулась вот так, но не сломалась, и он сорвал ненужный ему лист, стал смотреть на него, вертеть в пальцах. Вроде бы девушка интересная, но вот ведь ещё и лист...

Она протянула ему свои пальцы, покрытые фиолетовой кровью вишни, и сказала: «Отмыть нужно, идём к роднику».

Он вспомнил, что его пальцы выглядели так же, когда он размазывал по ним чернильные пятна, и подумал, а из чего делают чернила? Не из вишнёвого сока ведь. Но сейчас не мог отделаться от мысли, что делают как раз из вишни.

Девушка шла впереди, ступала без грации, обыкновенно, песчаная дорожка запоминала очертания её сандалий. Следуя за ней, он вспомнил, как однажды шёл за городской подругой по лестнице особняка, как поворачивал в коридорах, и подруга оглядывалась, улыбалась, точно не хотела его упустить. А эта, загородная богиня, смотрела только вперёд.

В щёку врезалась мошка, её отнесло, но она справилась с управлением и избежала аварии.

У родника вода мерцала на солнце, журчала, точно обрадовалась тому, что они пришли.

Девушка подошла к большому валуну недалеко от родника, присела, согнув в коленях ноги, и протянула одну руку. Повисли расслабленные пальцы, напоминая ветви вишнёвого дерева. «Помоги», – сказала она.

Он приблизился, неуверенно нагнулся, опустил голову.

Солоноватый вкус кожи слегка пощипывал ему губы. Целовать руку, пропускать кончик языка между пальцами, пить вишнёвую сладость, ни о чём другом не думать, всё остальное сейчас не важно.

Она смотрела в сторону, молчала, будто слова только засо-

ряли бы воздух. Помотала головой, немного растрепав волосы. И сразу подул ветер, взметнул её платье. Ему показалось, что ещё чуть-чуть и платье подлетит, погладит его по лицу, пощекочет за ухом.

Она продолжала молчать, словно ничего не происходит, никакой даже слабой полуулыбки не было на её лице. Даже валун выглядел сейчас более живым, чем она.

Молчание могло означать только одно. Он склонил голову и попытался представить, что девушки и вовсе тут нет, что она ему привиделась. Было только солнечное утро и вишнёвое дерево.

Девушка поднялась, обошла его и шагнула в сторону родника. Он услышал, как она погрузила руки в воду, как родник чуть ли не зарычал от удовольствия. Вот и ему нужно было что-то сказать, найти слова, пока вода смывает вишнёвый сок и следы его поцелуев. Но никаких слов он подобрать не мог, не мог даже просто окликнуть её. Возможно, промелькнула мысль, что она там промывает лезвие ножа, которым только что меня пронзила.

Он упёрся взглядом в землю. Куда-то быстро бежал чёрный жучок, упала дождевая капля, прихлопнув сразу несколько его мелких следов на песке.

Так и не заговорив друг с другом, они дошли до её домика. Недалеко от калитки, которую она затворила перед ним, даже не удостоив жестом прощания, он увидел её мать – стареющую женщину в инвалидном кресле. Но по ней было вид-

но, что она тоже когда-то была местным божеством. Он отходил и вслушивался, озирался, но повсюду было одно молчание и странное мельтешение насекомых.

В городе он сразу направился на рынок. Новые постройки и реставрация старых зданий не заинтересовали его. Никакого удивления, никакого негодования. Только открывшийся недавно вещевой павильон ещё как-то заинтересовал, но зайти не захотелось. Новый кондитерский ряд тоже не привлёк внимание.

Кожа вкуса солёных орехов, вишня с морской солью. Зримо желал вишню, слышимо желал: билась морская волна, билась прямо здесь, между рядами торговцев. Закрыв глаза, открыл – мираж исчез. Но сколько ни плутал по рядам, сколько ни присматривался к корзинам с неизвестными ему ягодами и фруктами, столько и терял надежду. Сколько ни спрашивал у продавщиц, которые почему-то были тепло, по-зимнему одеты, все они, как повторяя друг за другом, отвечали: «Ещё не поспела, не сезон».

Понедельник

Дивишься не прозрачности стен и не переговорам из телефонных трубок, позволяющих с отчётливостью разобрать каждое слово, а тому, что воздух становится засорённым, как подняли ил и замутили воду ринувшиеся на улицу люди. Но воду не замечаешь на первой ступени, где ещё ранняя весна и лёгкий пушок листвы на деревьях, не щетина даже; а вот на второй ступени сразу осень: выбрила наголо, урны, залитые дождевой водой, с плавающими окурками и фантиками. Думаешь, что после весны должно быть лето, но ступени такой нет. Не могла же она затеряться, да и теряться негде – за тротуаром только вечная пустыня и вечные электропровода, вчера ещё ровные и стойкие, сегодня ходят и дрожат, точно это перо сейсмографа фиксирует случившееся где-то далеко землетрясение. И на весенней ступени была трава зелёной, а сейчас пошла ржавчиной, разбросаны гайки ржавые, и в этой траве ищут зёрнышки подхватившие ржавчину голуби. Ясное небо за одну секунду становится облачным, а машины начинают ехать медленно, со звуком карет.

Шаг дальше – и укушен вампиром: беспощадность вируса иссушает твоё тело, черствеет и разрушается кожа. Пройдёшь немного – и пропал недуг, но карманы твои обчищены – с вампирской заразой ушли и все деньги. А вот мимо

прошла девица, с носом как у статуи Афродиты. Едва захочешь её окликнуть, как замечаешь, что она шепчет на ходу. Шепчет, будто стих читает. Если это проклятие, то ты мог проглотить его (не случайно это – не разевай рот попусту). И неизвестно, какое проклятие, каким будет эффект: то ли дом твой пойдёт коррозией, то ли обойдётся всё: покашляешь во сне, покашляешь – и сразу уснёшь, забудешь. Но если это сильное проклятие, то может случиться ужасное и ты завтра встретишь девушку с носом Афродиты. Это будет повтор, выбивающий тебя из мира, где повторы заставляют пропустить новую информацию.

Наконец промыл киселём нутро и всё выблевал. Теперь точно не будет повтора – кисель-то обволакивает проклятие и выводит его из организма. С полной уверенностью ринешься догонять уходящий от тебя день; уже отбыл последний трамвай, сторожа весело готовится охранять тишину за карточной партией, и веснушки звёзд появились на голубовато-мглистом ночном небе.

Запинка с проклятием нарушила твой ход в ритме появления новой информации, и ты не понимаешь, как вернуть события настоящего, которые уходят, уходят с ускорением.

Волнение становится сердцебиением, оглядками – словно опасаясь врагов; ты набираешь полные лёгкие надежды, что события встретят тромб и свет не будет перевоплощаться в переливы солнечных льдинок на глянцевой вилке, треск половиц не отзовется сверчкам, лунный свет, пройдя окон-

ную раму, не будет лежать на полу упавшей газетой, а лица старух не найдут свой образ в пожёванном сухофрукте. Ведь без событий, – упущенных, обогнавших тебя, – которые заправляют твой внутренний стержень, ты быстро испишешься, кончатся чернила, и тобою будет не заполнить пустоты на полях книги бытия.

Ты вспомнишь, стараясь догнать день и пытаясь найти отправную точку, что гнался за монетой, выпрыгнувшей, когда ты доставал ключ, из кармана, как из отворённой на секунду клетки. И не получается всё это приобщить к тому, что монета, загнанная в угол бордюров, попалась тебе в руки с какой-то отметиной, похожей и на ржавчину, и на застывший кисель.

И сделать из всего этого один шаг в ушедший день ты не можешь. Проход из мирка в мир сегодня упущен. Тебе только и возможно в очередной раз смириться с тем, что и это норма. Тогда пусть, увы, будет утро, понедельник. Обычно.

Пила и пилы

– Почитал о ней, ничего толкового не пишут. Ничего полезного. Думаю – куплю, по акции цена хорошая, всего-то двести семьдесят рублей. А как принёс домой и стал пилить, так понял, что ерунда, а не пила. Одной рукой совсем пилить невозможно, нужно ещё держать за пластину у переднего края. А бревно при этом приходится коленом придерживать.

– Так это пила для сучков, наверное. Ты сам не спрашивал перед тем, как купить, для чего она?

– Нет. Взял и пошёл.

– Вот. А нужно было поинтересоваться в магазине.

– Да я и сам теперь понял, что это пила только сучки спиливать может.

– Так, держи крепче, пока я закручу.

– Держу.

– Вот... Так, попал. Можешь отпускать.

– У меня этих пил несколько. Просто была вот одна, которой сносу не было, но недавно окончательно ручка сломалась. Чинить смысла нет. Вот и купил эту. Придётся другую теперь покупать. Эту просто в коллекцию оставлю.

– Так, подожди... Поверни и продвинь чуть на меня.

– Так?

– Да, так. А какая может быть коллекция пил у тебя?

– Может. Я давно хотел начать пилы собирать.

– Собирать пилы? Ну ты даёшь. Тебе это зачем, ковчег собрался строить?

– Изучу, как их делать. Да и вообще пила вещь интересная.

– Так, теперь приподними немного. Вот так... Всё, отпусти. Если всерьёз возьмёшься за дело, то чего тут и говорить – уважение.

– Да, жить ведь на что-то сейчас нужно. Вот куда мы пойдём, если нам ещё работу тут добавят?

– Не знаю даже, но я уже и с этой еле справляюсь. Мы уже как мастерская по изготовлению всего на свете.

– Да озверели они там у себя наверху. Мы тут уже давно, считай, каждый за двоих работаем. Теперь будем за троих пахать. А потом к нам придут и скажут, что мы мало работаем и нужно ещё дополнительную нагрузку на себя брать. Скоро сами будем как пилы с поломанными зубьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.